

К8
М15

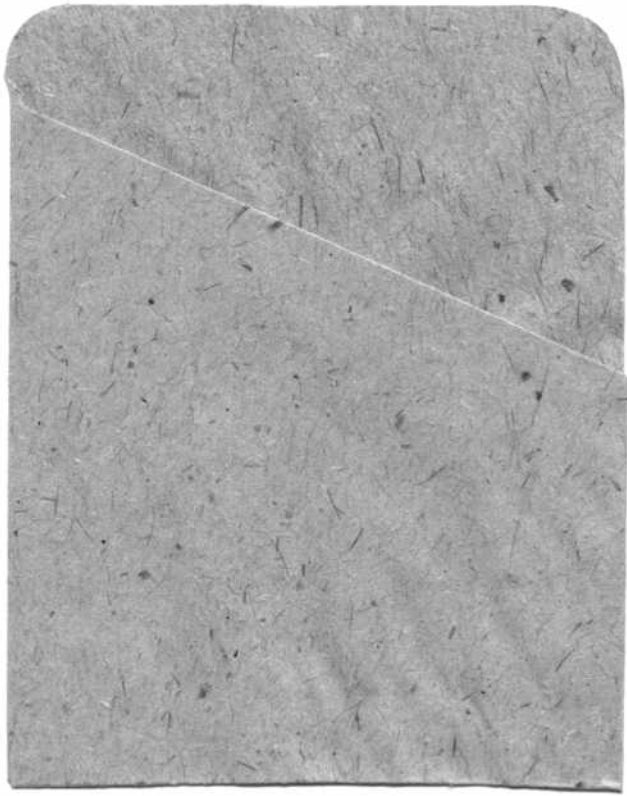
ИВЕРИИДА

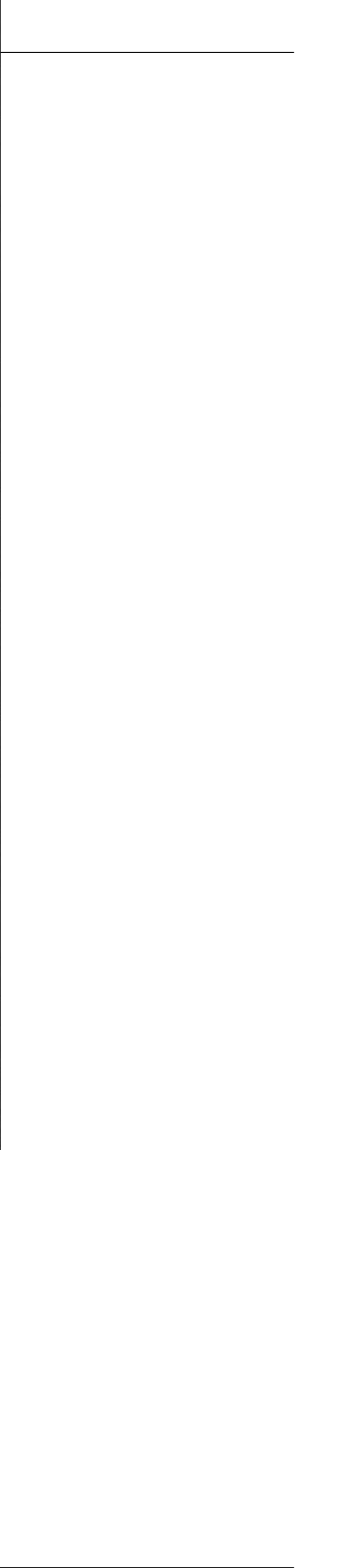
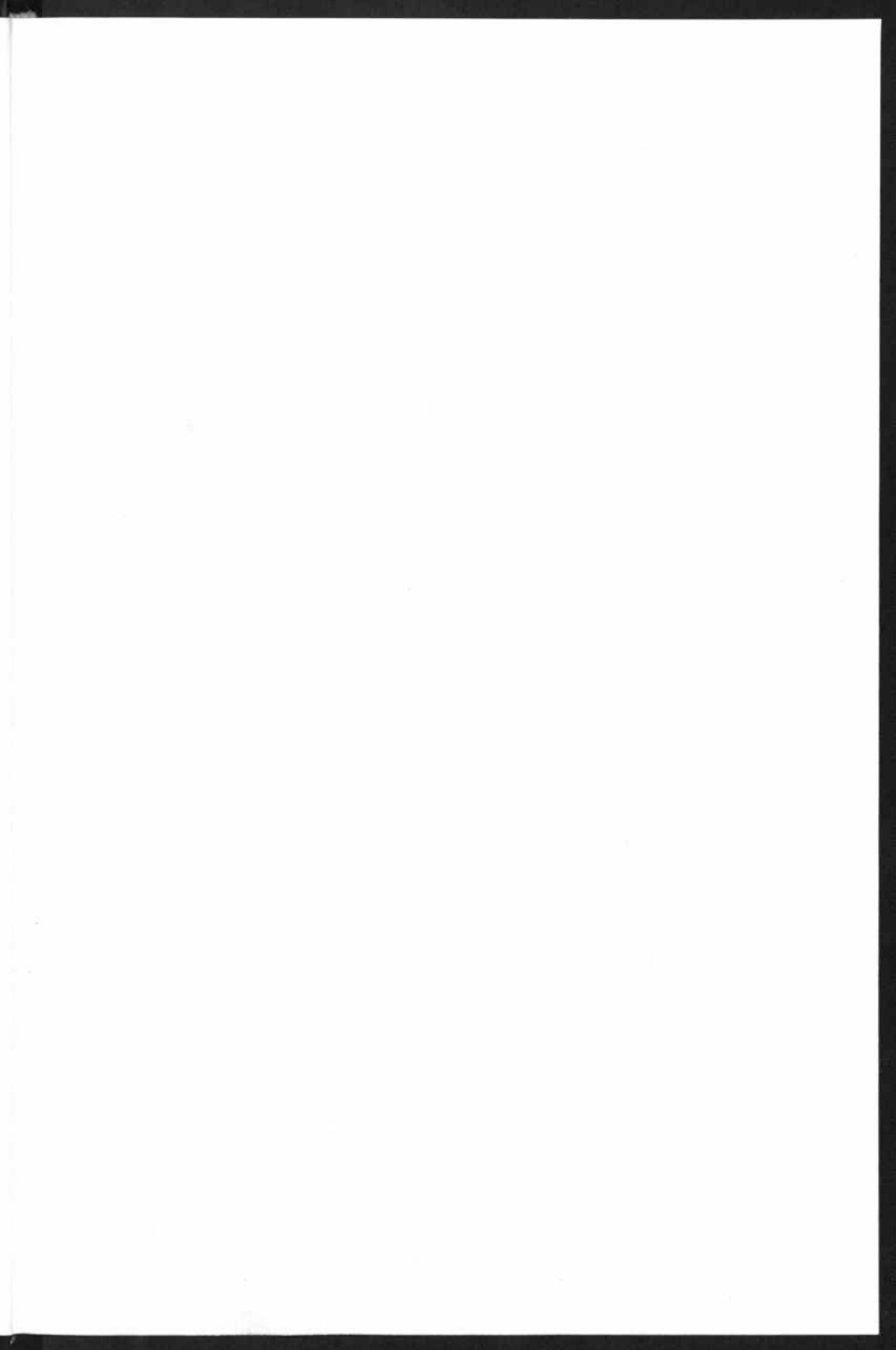
БОРИС
МАКАРОВ

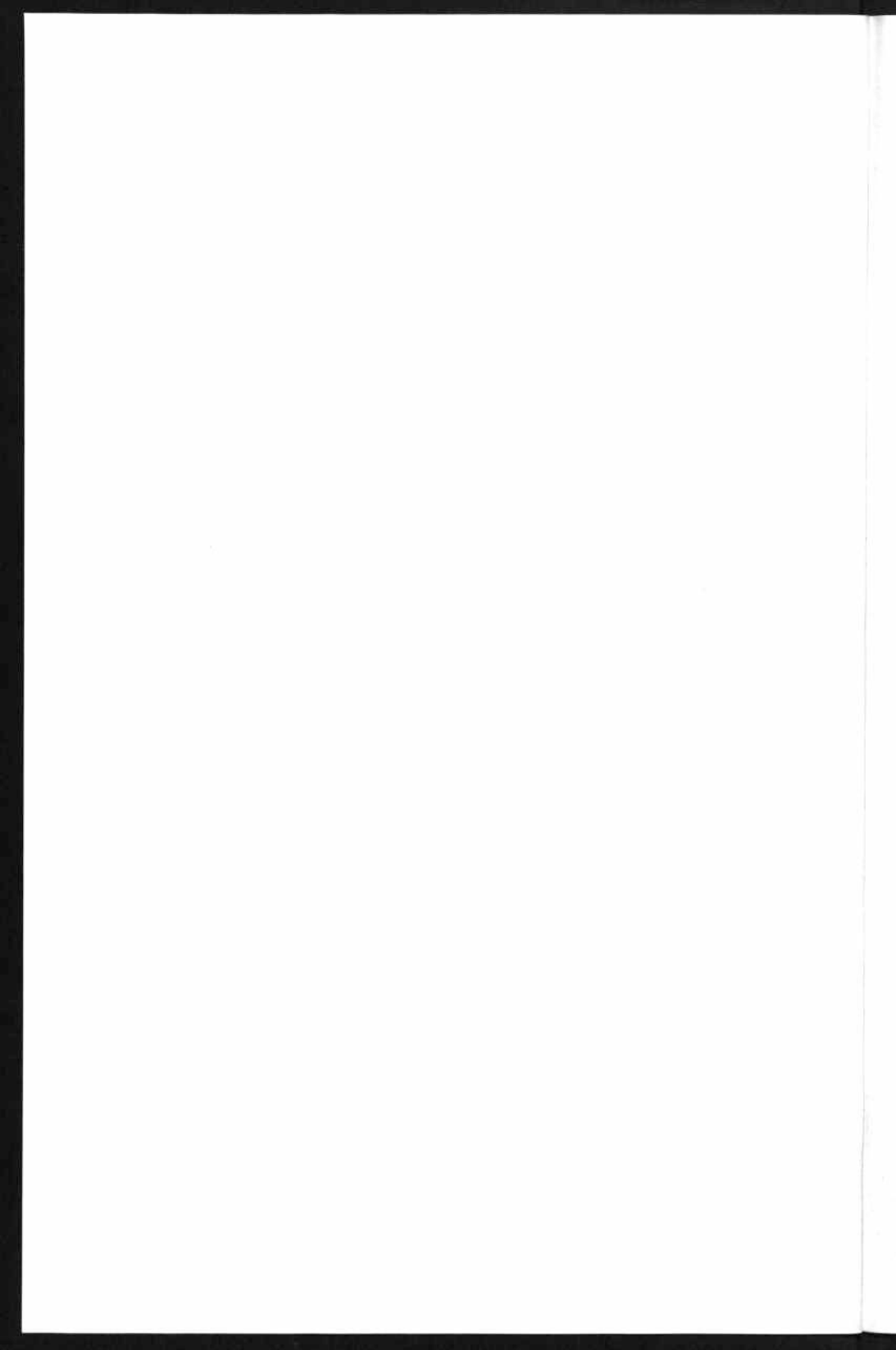

Знамя Победы

С.780527

СИБИРИАДА

БОРИС МАКАРОВ

Знамя Победы

**Москва
«Вече»**

К84+89(2=411.2)6-44

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)
М15

ШШ15

Книга издана при поддержке губернатора Забайкальского края
А.М. Осипова и сенатора Совета Федерации от Забайкальского края
С.П. Михайлова

Макаров, Б.К.

М15 Знамя Победы : повести, рассказы / Борис Макаров. —
М. : Вече, 2020. — 416 с. — (Сибиряда).

ISBN 978-5-4484-2253-9

Знак информационной продукции 12+

В книгу «Знамя Победы» включены повести и рассказы о Великой Отечественной войне. Это истории о силе, мужестве и стойкости нашего народа на фронте и в тылу, о вере в Победу. Вера в Победу позволила выстоять в труднейшие годы испытаний. Вера в Победу помогла нам справиться с теми проблемами, с которыми мы столкнулись в послевоенные годы и с которыми боремся сегодня.

Книга Бориса Макарова открывает целое направление литературы Забайкалья в рамках популярной серии «Сибиряда» при участии администрации Забайкальского края.

По словам губернатора Забайкальского края А.М. Осипова, «забайкальская литература имеет свою уникальность. Эта книга дает старт большому проекту по распространению творчества забайкальских авторов всех времен. Так школьники региона, жители края, Дальнего Востока и всей России смогут познакомиться с колоритом и особенностями Забайкалья через нашу литературу».

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-2253-9

© Макаров Б.К., 2020
© ООО «Издательство «Вече», 2020

С. 780524

ПРЕДИСЛОВИЕ

Забайкалье — прекрасный и суровый российский край, овеянный древними легендами об исконных его жителях — тунгусах, о бурятском герое Гэсэре, о рождении, славе и гибели великого монгола Чингисхана, об освоении сибирских земель казаками...

Письменный отсчет литературного образа Забайкалья начинается прежде всего неистовый протопоп Аввакум (Петров), ставший первым ссыльным старообрядцем в Забайкалье и бытописателем земли Даурской. В своем автобиографическом «Житие...» (1672 г.) он показывает природную первозданность и суровость жизни в Забайкалье, его национальную самобытность. Знаковой для края является фигура Ф.И. Бальдауфа, первого поэта Забайкалья, известность которому принесла романтическая поэма «Авван и Гайро» о любви к бурятской девушке. Значительное место занимает литературное творчество ссыльных декабристов и революционеров А.И. Одоевского, М.А. Бестужева, И.И. Горбачевского, В.К. Кюхельбекера, М.С. Лунина, Н.Г. Чернышевского, М.Л. Михайлова. Революционное Забайкалье вдохновляло авангардное творчество соратников В.В. Маяковского С.М. Третьякова, Н.Н. Асеева, П.В. Незнамова. Роман о Гражданской войне ведущего советского писателя А.А. Фадеева «Разгром» также во многом обязан революционному движению в нашем крае. Равным ему по масштабу осмысления перемен тех лет стало произведение патриарха забайкальской литературы К.Ф. Седых «Даурия», послужившее литературной основой одноименного фильма. В.И. Балябин в замечательной трилогии «Забайкальцы» показал классовую борьбу забайкальского казачества за советскую

власть. Не обошли стороной тему установления советской власти в крае и бурятские писатели Д.О. Батожабай в книге «Похищенное счастье», Ж.Т. Тумунов в первом бурятском романе «Степь проснулась», эвенкийский поэт и прозаик Н.В. Сахаров в повести «Красный Суглан».

Выдающимися литераторами советского периода истории Забайкалья являются Г.Р. Граубин, один из лучших детских поэтов России; М.Е. Вишняков, лауреат Лермонтовской премии, включивший духовные смыслы Даурской земли в свое творчество и представление общерусского начала в замечательном переводе «Слова о полку Игореве»; С.М. Зарубин, показавший воинский подвиг забайкальцев на фронтах Великой Отечественной войны; Е.Е. Куренной, защищавший в своих книгах исторические и экологические традиции народов Забайкалья; Г.А. Головатый, поэтическим даром утверждавший стойкость забайкальского характера; самобытный писатель Н.Д. Кузаков, раскрывший первозданный мир азиатской природы; О.А. Димов, творчество которого представляет опыт взаимодействия природного ландшафта и творческого воображения; В.Б. Лавринайтис, описавший красоту забайкальской природы; О.А. Хавкин, литературно преобразовавший исторический сибирский материал. Заслуживает внимания творчество лауреатов премии губернатора Забайкальского края в области литературы им. М.Е. Вишнякова Н.В. Ярославцева, Ю.Ф. Курца, В.С. Трухиной, Г.А. Андрюка, В.А. Вьюнова, О.Г. Петрова, Е.И. Чубенко, достойно развивающих литературное наследие своих предшественников.

В этом ряду не менее значимо имя Б.К. Макарова, который в своей культурно-поэтической Вселенной ярко, образно и неповторимо отразил природный и национальный колорит Забайкалья. Поэтому символично, что именно его книга «Знамя Победы» открывает линейку произведений забайкальских авторов в серии «Сибириада».

Борис Константинович Макаров родился 15 марта 1939 г. в с. Атрать Алатырского района Чувашии, но первые шаги в своей сознательной жизни сделал в Забайкалье. Именно здесь прошли его

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

детские и юношеские годы, здесь написаны первые стихи. В 1957 г. в газете «Комсомолец Забайкалья» было опубликовано стихотворение «В родном краю». С тех пор автор регулярно появлялся на страницах областных газет, центральных и местных периодических изданий, коллективных литературных сборников. С 1966 г. начал работать в редакции районной газеты «Сельская новь». Его журналистский стаж составляет около сорока лет. За эти годы им написаны сотни очерков и корреспонденций, проведены десятки бесед, записаны сотни интервью. Журналистская и общественная работа, постоянные поездки по районам и селам Забайкалья дали Борису Макарову богатый материал для творчества. В 1975 г. появился первый поэтический сборник «Начало начал». После выхода ещё двух сборников стихов («Стою на земле» и «Возвращаются птицы») в 1978 г. его приняли в Союз писателей СССР.

В первых сборниках Бориса Макарова преобладает лиричность и поэтизация всего, что окружает человека. Родная земля, неразрывная связь с природой, духовное единство с людьми, населяющими эту землю, формировали поэтический дар и творческую манеру поэта. 80-е годы становятся очень плодотворными на стихи. В это время издаются сборники стихов «Цветные коромысла», «Узы», где, как отмечают критики и рецензенты, творчество поэта эволюционирует. Он по-прежнему лирик, и его стихам присуща внешняя легкость и песенная нежность, но все сильнее звучит гражданский голос поэта, все гуще населяет он свои стихи людьми — пахарями, сеятелями, воинами, вдовами, творцами, все разнообразнее становится поэтический мир.

Воспоминания военного детства оказали значительное влияние на формирование его мировоззрения. Когда с годами пришло зрелое осмысление значения войны, победы и заплаченной за нее цены, появился новый цикл стихотворений, в которых рассказывается о трагических судьбах фронтовиков, их близких («Вдовы», «Неверие», «Проша», «Дядя Врак», «Не ушла война в забвенье» и др.).

Одновременно Борис Макаров пишет о трудовых буднях советских граждан — доярок, чабанов, механизаторов, честных

БОРИС МАКАРОВ

и бескорыстных людях. Писатель искренне считает, что опора государства — человек труда: пока он пашет и сеет, пока стучат топоры строителей, страна живет и процветает. В коротких повестях, рассказах и новеллах он достиг высокой простоты и содержательной емкости при экономии письма, которой не всегда отличались большие русские писатели. Его герои обыкновенные простые люди, а сюжеты — каждодневные житейские события и конфликты, порождаемые самой жизнью. Его проза народна по самой своей социальной сути, по простоте и доступности жизненного материала, богатству тем и мотивов.

Автор открыл многим забайкальцам душу бурятского народа, через поэтические переводы бурятских поэтов сделал их узнаваемыми русскоязычному читателю. Широкое признание в народе заслужили также и песни на его стихи.

В 2009 г. Б.К. Макаров стал первым лауреатом премии губернатора Забайкальского края в области литературы им. М.Е. Вишнякова за книгу «Стихи и поэмы» (М., 2009).

Сегодня ему — за восемьдесят. Но тем не менее творческая активность Бориса Макарова восхищает. После солидного поэтического сборника «На изломах времён» (Чита, 2001) у него появилась первая книга прозы — «Меж крутых берегов» (Чита, 2005), а в региональном литературно-художественном журнале «Слово Забайкалья» регулярно печатаются новые стихи и повести.

«Знамя Победы» состоит из 24-х рассказов. Каждый из них — отдельное произведение, в котором ощущается особая, реалистичная манера повествования, присущая только Макарову и следующая жизненному кредо писателя: «Трудно уж очень — не работай. Это творчество, это божий дар, нам сверху какой-то подарок, так что мы можем работать. Это столько приносит удовлетворения и радости. Если занимаешься нелюбимым делом, то надо избегать этого, потому что задаром проживёшь свою жизнь».

*Заместитель председателя
Правительства Забайкальского края
Т.В.Цымпилова*

УХОДИЛИ МАТРОСЫ В РАЗВЕДКУ...

...Это было...

Не хочешь, да чертыхнешься.

Привяжется же это «было», «было»...

Недаром в народе говорят: «Было, да сплыло» — в памяти стерлось, значит. А раз стерлось — считай, и не было. А если такое в жизни каждого из нас и в нашей общей жизни было, о чем и через десятки лет помнится, рассказать хочется или, наоборот, рассказывать, вспоминать не хочется, то, значит, это «было» в нас и сегодня живет, крепко живет, въедливо и уж об этом «было» «было» не скажешь.

...Взять, к примеру, войну. Ту Большую войну. Народную. С Гитлерюгой проклятым. Всех и каждого она зацепила, окровавила, сколько судеб, жизней поизломала... Сколько лет прошло с тех пор. Тех, кто впритык соприкоснулся с ней, по пальцам пересчитать можно... В книги, в фильмы разные загнали, запечатали мы ее — на вечное хранение загнали, запечатали, в музеи за стекла шкафов и стендов поставили-положили. И каски, пулями, осколками пробитые, там лежат, и пушки, свежей зеленой краской покрашенные, — заряжай — стреляй, — стоят, и котелки помятые солдатские, и портупей офицерские...

А война ни в книги, ни в фильмы, ни в музеи не вмещается — в народе, среди нас, внутри нас живет. То стоном, то слезой вдовьей, сиротской из глубин сердец на свет прорывается...

Так разве можно сказать о той войне — Большой, да что там большой — Великой, Народной, — что она была? Она есть. Она будет с нашими внуками, правнуками — праправнуками тех солдат, которые сквозь нее прошли, будет...

БОРИС МАКАРОВ

...Так вот, было это...

Тьфу ты! Какая разница, когда это было...

...К 35 годам я с учетом армейской службы почти двадцать лет трудового стажа имел. Хорошего, крепкого, честно выработанного. Больничные листы у медиков не кланчил. Не прогуливал. Не загуливал. На начальство не рыпался. Поперед батьки в пекло не лез, позади не топтался.

А потому в честь моего тридцатипятилетия или по совпадению с ним дали мне путевку на один из местных курортов. Раньше на курортах я никогда не бывал, а поэтому и по собственному желанию, и по настоянию жены от путевки не отказался.

...Курорт мне понравился. Лес вокруг. Речка. Небольшая, но чистая. Встретили нас, отдыхающих, хорошо. Накормили. По комнатам разместили. Комнаты каждая на два-три человека. Уютные. У каждой кровати тумбочка. На тумбочках в вазочках цветы. Красивые. Правда, бумажные.

Поселили меня с фронтовиком. О том, что он, сосед мой, фронтовик, я сразу понял. На спинке стула пиджак его увидел. На пиджаке — орденские колодки.

Познакомились. Сергей Сергеевич оказался мужиком хорошим, спокойным, без зазнайства. Меня он сразу стал Сынком называть:

— Бери, Сынок, вон ту кровать, у окна. Молодые спят крепко. А я луну, то есть лунный свет, плохо переносу. Сны всякие сразу начинают сниться. Война снится...

...Пара дней ушла на обустройство, на привыкание. И разговоры наши с Сергеем Сергеевичем об этом самом обустройстве, привыкании. Меню обсуждали. На речку глянуть сходили. Процедуры лечебные прошли. В охотку, в новинку пять раз в день к колонке с минералкой ходили, хотя нам врачи злоупотреблять минералкой не рекомендовали.

О войне, о наградах Сергея Сергеевича — ни слова. В то время, мне кажется, все мы — и фронтовики, и тыловики, и их дети — о войне говорили, вспоминали редко. Даже реже, чем сейчас. Почему? Да, наверное, потому, что люди от нее еще не оттаяли, не отошли, как

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

у нас говорят. Каждого навывлет пробилла она. В каждой семье черным клубочком в темном уголке затаилась... Шевельни — разбуди — выползет — укусит. Прямо в сердце укусит. Каждая вторая баба — вдова. Каждый второй пацан, каждая вторая девчонка — сирота, безотцовщина. Фронтовики же, что с войны живыми пришли, тоже молчали. Как-то виновато молчали, словно стыдились перед вдовами, сиротами за то, что снаряды, пули, бомбы их миновали, не дали рядом с друзьями-товарищами погибшими в землю лечь...

В село наше в те годы кино два раза в месяц привозили. Привезут — праздник. Все, у кого ноги дрыгаются, в клуб бегут, ползут. О чем кино? Никого не интересовало. Про автопробег какой-нибудь по пескам Средней Азии — пойдет! Про любовь — на ура! И про войну, особенно для пацанов, — хоть три раза подряд показывай — ни есть ни пить не будут... А фронтовики узнают — кино про войну, — в сторону клуба шага не сделают: «Вранье там одно...» Теперь же я думаю: не вранье о войне увидеть они не хотели, войну увидеть, вспомнить боялись. За сердца свои боялись — не выдержат...

* * *

...На третий или четвертый день мы с Сергеем Сергеевичем по предписанию врачей пошли принимать радоновые ванны. В большом светлом зале пол и стены сверкали мраморной отделкой. От мрамора веяло холодом. Мы быстро разделись и спустились в ванны.

Я взглянул на Сергея Сергеевича. Взглянул мельком и... не мог отвести взгляд. Всю широкую грудь фронтовика, не знаю как сказать, то ли украшал, то ли устрашал огромный, состоящий из сплошного ярко-розового шрама, якорь.

Якорей-наколок я видел великое множество. Видел в детстве. Вижу и поныне. Стоит оказаться где-нибудь на пляже, в бассейне — и обязательно встретишь «лихого моремана» с якорем на плече, а то и на груди. Размером от пятикопеечной монетки до шапки-ушанки. Видел якоря синие, голубые, черные...

— Что, Сынок, мой якорек рассматриваешь... Не видел такую наколочку?

— Не, — только и выдохнул я. — Что это?

— Ладно, расскажу как-нибудь. Фашисты украсили... О таких украшениях знать и помнить надо...

* * *

...Перед ужином мы, как и в предыдущие дни, сходили к колонке с минеральной водой. Но воду пить не стали. Над нами плыли низкие тяжелые тучи. От реки веяло сырým холодом. Где-то, пока еще далеко за лесом, басовито, почти без перерывов погромыхивал гром.

У колонки, поеживаясь и сутулясь, как будто от ветра, хотя не было на него даже намека, а, наоборот, словно застоявшийся воздух казался липким и густым, стояли несколько женщин, рьяных исполнительниц докторских предписаний и рекомендаций. В руках некоторых из них уже были стаканы и кружки с водой. Время от времени женщины подносили их к губам с таким выражением на лицах, словно им приходилось насильно вливать в себя какое-то горькое лекарство, отказаться от которого было нельзя.

На наше «здравствуйте» ответила лишь одна. Остальные кивнули головами и отвернулись в сторону ворчащего грома.

— Пойдем-ка лучше домой. Со всех сторон водой тянет. Того и гляди за шиворот хлынет. — Сергей Сергеевич тронул меня за локоть. — Хотя, если хочешь, попей. Я подожду.

— Нет, нет. Вы правы, Сергей Сергеевич. Надо спешить.

— Надо спешить! — почти в один голос воскликнули, словно очнувшись от дремы, женщины, и мы быстро пошли к своему корпусу. Последние метры мы уже не шли — бежали. Однако укрыться от дождя не успели. Его густые, отвесные струи в одно мгновение омыли нас с ног до головы.

Женщины, визжа, смеясь и отряхаясь, разошлись по своим комнатам.

Войдя в свой номер, мы с Сергеем Сергеевичем разулись и, пятая пол мокрыми носками, стали переодеваться.

— Слушай, Сынок, еще тогда, при первом знакомстве, мы имена друг друга узнали. Фамилии у нас тоже простые, запоминающиеся:

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

ты — Иванов, я — Осипов. Имена — проще некуда. Я — Сергей, ты — Андрей. У меня, кстати, сына Андреем звать. Ну а больше я о тебе ничего не знаю. Где живешь? Где работаешь? Холостой? Женатый? Рыбак? Охотник?

— ...Село большое... Когда-то, до революции, казацкой станицей было. Колхоз славился. Председатель звание Героя Социалистического Труда получил. Заслуженно. Пятнадцать тысяч овец хозяйство имело. Урожай стабильные получали...

Я техникум сельскохозяйственный окончил, в армию призвали. Служил танкистом. Демобилизовался. Женился. Жена — учительница. Первоклашек до четвертого учит. Дочку имеем. Сейчас в ДЭУ работаю. Дороги, мосты ремонтируем.

Рыбачить люблю. Карасятник заядлый. Охотиться не приходилось. Ружье в руки не беру. Да и на кого охотиться — всех живулек браконьеры повыбили.

Вот и все. И рассказывать не о чем.

Батя мой тоже фронтовиком был. Шоферил. Рассказывал, от Сталинграда до Берлина на полуторке своей путь проделал. Две медали и орден Красной Звезды имел. И контузию имел. В госпиталь попал — сбежал. Боялся свою полуторку потерять.

С войны вернулся на вид здоровым, но болел часто. Три года назад умер. Мама жива. С братом старшим моим живет. Маленькая, седенькая — божий одуванчик. Но ничего, суетится. Внучат за двойки шугает и даже иногда на родительские собрания в школу ходит...

...Во время моего путаного рассказа Сергей Сергеевич ни разу не перебил меня, ни разу не отвлекся. Полотенце, которым он протирался, сползло с широких плеч. Он скомкал его, положил на кровать и, скрипнув стулом, наклонился в мою сторону.

— А говоришь, рассказывать не о чем... Судьба человеческая, жизнь всегда интересна. Слушаю тебя и вижу отца твоего. Сколько я их видел, таких шоферов, на военных дорогах, а точнее, на военном бездорожье. Это только так говорят, пишут — «военные дороги»... ..И снег по пояс, и грязь... И зимой и летом лица, руки шоферов от зноя и стужи чернее кирзовых сапог. Спины от усталости, от над-

рывов — колесом. Глаза от недосыпа, от постоянного напряжения кровью набрякнуты. Того и гляди из орбит вылезут, лопнут...

От них, от шоферов, многое, если не все, зависело. И исход боя, и наши жизни. Я не преувеличиваю. Представь себе, что было бы, если бы они не подвезли вовремя снаряды, патроны, хлеб, курево... Одним «ура», как ни ори, врага не остановишь, попятиться не заставишь...

Уважали мы их, шоферов. Помогали им машины из грязи, из снега, из колдобин вытаскивать, вываживать. На плечах выносили...

Сергей Сергеевич машинально потер плечо. Свет от лампочки скользнул по его голове, еще ярче высветил грудь. Якорь на груди фронтовика, растертой полотенцем, показался мне рубиновым, схожим по цвету и четкости граней с орденом моего отца.

— Сергей Сергеевич, вы обещали...

Сергей Сергеевич поймал мой взгляд, снова накинул полотенце на плечи и грудь.

— Помню... Расскажу... Надо... Но трудно... Ох, трудно все это вспоминать, воскрешать, рассказывать...

Сергей Сергеевич подошел к окну. Он долго-долго всматривался в густеющие сумерки, в сливающееся с землей темное небо.

— Молнии посверкивают. Далеко. Грома не слышно. Так, чуть-чуть — отголоски...

Гаси свет, Сынок, и — в постель. В темноте легче рассказывать, лучше вспоминается, хотя то, о чем я хочу тебе рассказать, ни в темноте, ни при свете до конца жизни не забуду...

* * *

...На военную службу я был призван за год до начала войны... После прохождения курсов молодого бойца направили нас, нескольких курсантов, на Дальний Восток, в дивизион сторожевых кораблей. По прибытии к месту службы переодели во флотскую форму. Месяца три-четыре пошвабрили мы палубы, повскакивали по три-четыре раза за ночь по боевым тревогам, сделали десятка два выходов в океан. Испытали на себе, что морская болезнь не легче всех других болезней, поблевали всласть — до сукровицы. Убедились на личном

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

опыте, что Тихий океан лишь по ошибке когда-то был назван тихим, и стали настоящими мореманами. Мореманами мы называли сами себя. Мореманами называли нас даже наши командиры. Красиво и мужественно, как казалось нам, звучало это слово — мореман: море манит, человек, которого манит море. А море действительно звало и манило нас. Трудное, суровое, порой жестокое, оно увлекало людей сильных, суровых, не боящихся трудностей. Всегда чистое, не терпящее в себе мусора, выбрасывающее его на берег, море делало чистыми преданных ему, работающих на нем, живущих им людей. И не побоюсь сказать — нас.

Мы привыкли не бояться штормов, морозов, жары, авралов, океанской бездны. Мы привыкли бояться оказаться, показаться трусами, нытиками, заслужить кличку слабака, подвести в трудную минуту товарища, уронить честь моремана...

Мы научились жить по закону наших дедов и прадедов, моряков — ушаковцев и нахимовцев, севастопольцев и порт-артурцев: один за всех, и все за одного.

А еще мы научились любить Родину. Да, да — любить Родину так, как ее любят моряки.

Родину конечно же мы любили и раньше, с самого детства-малолетства. Мы любили ее за то, за что ее любили наши бабушки и прабабушки, наши дедушки и прадедушки, наши отцы и матери, — за широту ее полей и лугов, за сказочную дремучесть лесов, за белоствольные рощи и синеструйные реки. Мы любили ее за теплые пыльные тропинки, по которым ходили и бегали босыми, впитывающими тепло родной земли ногами. Мы любили ее за ее земляничные духмяные поляны. Мы любили ее за бодрящую студеность озерных и речных вод. Мы любили ее за колокольчиковые перезвоны трепещущих над ней жаворонков. Мы любили ее за бездонное синее небо, за поддерживающие высокий свод его семицветные радуги.

Мы любили Родину за ее историю. За Куликово, усеянное вражескими и русскими костями поле. За победный звон русских мечей на Ледовом побоище. За стойкость русских солдатушек храбрых ребятушек на Бородинском поле. Мы любили ее за отвагу Чапаева.

За дерзость и презрение к смерти Чкалова. Мы любили Родину за то, что она подарила нам славу Папанина и Шмидта, Стаханова и Гризодубовой.

Мы любили Родину за наши пионерские костры и песни. Мы любили Родину за ее мудрых, великих вождей — Ленина, Дзержинского, Сталина. Мы любили Родину за ее миролюбие и за «бронепоезд, стоящий на запасном пути». Мы любили Родину за нее, нашу уверенность, что никогда и никому не отдадим и пяди ее земли, что при необходимости разобьем врага на его территории, ведь в бой нас поведут Буденный и Ворошилов — великие полководцы великой державы.

И никто не имеет и никогда не будет иметь права попрекнуть нас в этой любви, ибо наша любовь была бескорыстной и честной — любовью детей к своей матери, к своему отцу, и не наша вина в том, что часто, как теперь кажется, к месту и не к месту, мы путали, переплетали свою любовь к родному отцу, родному-единственному, с любовью к нашему общему отцу, отцу всего нашего народа Иосифу Виссарионовичу Сталину. Сталину, который с высоких кремлевских башен и днем и ночью видит каждого из нас и благословляет каждого из нас на труд и подвиги во имя нашей великой Родины, нашей любимой Родины.

И все же смею и буду утверждать, что так любить свою Родину, как любят и любили ее во все времена моряки, не может никто.

...Корабль выходит в открытое море. Позади, за кормой, остается земля — города, села, деревушки, поля, леса, озера, реки, матери, отцы, жены, невесты, дети; все, что я перечислил, — все, без чего человек просто-напросто не сможет жить. И уж если морякам придется защищать все это, все, что мы называем Родиной, от врагов — то они будут драться до конца, до последнего дыхания.

* * *

...Сразу же, как только прозвучало сообщение о начале войны, о нападении фашистов на нашу Родину, сотни моряков-тихоокеанцев обратились к своим командирам с просьбой направить их на фронт. Среди них был и я.

И все мы получили отказ:

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

«Ваш фронт там, где вы несете службу — на Дальнем Востоке...»

Я и мои друзья-товарищи снова и снова и устно, и письменно обращались во все инстанции: «На фронт!.. На фронт!.. На фронт!..»

Увы, ответ был все тот же...

...С обугленными от ненависти сердцами слушали, читали мы сообщения о злодеяниях фашистских захватчиков, о разрушенных ими городах и селах, о грабежах, убийствах, издевательствах над нашими советскими людьми, о гитлеровских планах превратить нашу Родину в страну рабов... И снова просились, снова писали заявления... Безрезультатно просили, писали...

...Враг разбит под Москвой!.. Враг разбит под Сталинградом... Война на переломе... Война идет к концу... А мы... Мы... Мы... Неужели фашистов уничтожат, Гитлера посадят в клетку без нашего участия, без нас... А на нашу долю только выпадет возможность ходить на экскурсию в зверинец, где бесплатно будут показывать беснующихся в стальных клетках Гитлера, Геббельса, их генералов — убийц, грабителей, насильников, палачей, карателей...

«Где вы были, когда наши солдаты, наши дети умирали в боях за Родину», — спросят нас матери и отцы героев, отдавших свои жизни за честь и свободу нашего народа.

«Где же вы были...» — спросят нас их невесты и жены...

«Где же вы были...» — спросят нас их дети...

«Ваш фронт там, где вы несете службу, — на Дальнем Востоке», — отвечали нам, как всегда, наши командиры...

...И как это почти всегда бывает в любых подобных ситуациях, наши просьбы, наши рапорты, наши мольбы были услышаны, когда мы перестали надеяться...

* * *

...Короткое прощание с оставшимися на кораблях друзьями-товарищами — и мы, счастливики, превратившиеся в мгновение ока из мореманов в морских пехотинцев, едем на Западный фронт, едем бить ненавистного врага.

На нас все та же морская форма, но нам предстоит воевать на суше и уже в боях с врагом доказывать, что мы носим свою форму не зря, что мы и на суше остаемся моряками, живущими и сражающимися по вечному морскому закону: «Один за всех, и все за одного!»

...Нашей ротой морской пехоты командовал старший лейтенант Тимофей Кузьмич Сударев. Он был всего лишь на пять лет старше меня, старше матросов моего призыва. Посмотреть со стороны — обыкновенный парень. Рост — средний, чуть сутуловатый, белесый, глаза серые. Пройдешь мимо — не обратишь внимания. Но храбрости и злобы на фашистов — на десятерых, хотя и у нас сердца пепелила ненависть. Поговаривали, что у Сударева с фашистами свой личный счет. Что еще в самом начале войны оккупантам удалось схватить его отца — первого секретаря райкома одного из пограничных районов. Мать Тимофея Кузьмича, узнав о том, что палачи объявили день и час казни ее мужа и приказали всем жителям райцентра явиться на центральную площадь точно в назначенное время (за опоздание или неявку — смерть) смотреть, как будут сжигать бандита-коммуниста, для чего заранее завезли туда несколько возов сучьев и валежника, сама пришла в немецкий штаб и попросила сжечь ее вместе с мужем.

Фашисты оказались отзывчивыми и просьбу ее выполнили.

Насколько была правдива эта история и была ли она вообще — не знаю. Почти каждый из нас так или иначе был затронут, ранен войной. Хотя она была еще далеко от окончания, успела ужалить многих, очень многих. У кого-то погиб на фронте отец, у кого-то брат, у кого-то на оккупированной врагом территории оказались родные и близкие... Рассказывать о своих бедах, горестях — перекладывать их тяжесть на души и сердца друзей-товарищей. А их, бед, горестей, хватало у каждого и своих. Да и где гарантия того, что суровые, только что вышедшие из боя или идущие в бой парни не посчитают тебя нытиком... Расспрашивать друга, товарища, почему он хмурится, скрипит зубами, — копаться в чужой ране...

Так что все переживания, все боли свои каждый из нас нес в себе и выплескивал, выдыхал их только при встрече с врагом. И поверь

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

мне, горячими, очень горячими, огненными, обжигающими были эти выдохи...

Сожженные фашистами города и села, наполненные пережитым горем глаза женщин и детей просили, требовали отмщения.

...Мы хоронили павших в боях товарищей, хоронили без слез. Без прощальных речей, с одной клятвой павшим: «Отомстим!»

...Я, наверное, усыпил тебя, Сынок... Оно ведь нам, старикам, только разговориться, удариться в свои воспоминания, а там — не остановишься...

— А я вот слушаю вас, Сергей Сергеевич, и думаю: до чего же мы, люди, особенно молодые, нелюбопытные, не сказать хуже — равнодушные... Почему?

Вот заговорили мы о моем отце. Всю войну он прошел, проехал на своей полуторке. Сколько всего повидал, испытал. Контужен был. После войны, можно сказать, до последнего своего дня работал, ходил, он сам так и говорил — «ходил», как моряки о себе говорят, в дальние рейсы. С работы домой, как правило, возвращался поздно. Приедет — а мы уже спим. В рейс тоже раным-рано отправлялся — в четыре-пять часов утра. Он в рейс — мы спим. В воскресенье тоже, бывало, целыми днями с машиной возится. То мотор барахлит, то камеры латать надо. Выпадет свободная минута — по дому дел полно. Отец с мамой всегда, хоть небольшое, хозяйство имели: корову, теленка, свинью, кур. Ну и, как у всех селян, у нас и сегодня огород имеется. Без земли и сейчас не проживешь.

Так, в работе, в заботах разных, дни, недели, месяцы, годы не шли — летели.

Заговорит иногда батя между делом о войне, — а говорить, рассказывать о ней он очень не любил, по какому-нибудь случайному поводу мимоходом вспомнит, — мы, хорошо, если вполуха слушаем — нам, пацанам, дурить охота, у нас своих проблем, интересов полно... Да к тому же батя молчуном был — профессия приучила...

В последние годы о войне, о фронтовиках много фильмов появилось, книг, газеты часто пишут, телевидение показывает — как говорят, интерес проснулся... Интерес-то, и верно, проснулся, да только

на наши вопросы отвечать скоро некому будет. Фронтовиков все меньше остается. Вот я уже никогда ни о чем отца не спрошу...

— Тут, Сынок, не только вы в своем, так сказать, нелюбопытстве виноваты и не мы, фронтовики, виноваты в том, что не могли, не умели рассказать своим детям о жизни своей фронтовой. Тут сама война виновата. Уж слишком тяжелой, злой, долгой, кровавой была — не опишешь, не расскажешь. Начни вспоминать, рассказывать — сердце не выдержит...

Тем более что наши сердца ей же, войной, истерзаны.

Сергей Сергеевич встал, подошел к окну, посмотрел в темноту. Окно нашей комнаты выходило в сторону леса и речушки. Окна жилых и лечебных корпусов из нашего окна были не видны.

Гром затих. Отблески далеких молний перестали озарять горизонт.

— Вот такая же темнота и тишина встретила нас на подходе к Днепру, — тихо сказал Сергей Сергеевич. — Ни взрыва, ни выстрела...

Командир объявил привал:

— Можно курнуть, но в рукав или в землю. Еще вчера в штабе сказали: «фашисты откатились на правый берег Днепра. Правый берег высокий, намного выше этого. Зароются там в землю, настроят дотов и дзотов и встретят нас с полным фашистским гостеприимством. Надо учесть и то, что все плавсредства они увели на тот берег и форсировать реку нам придется на подручных. Саперы подтягивают плоты. Есть несколько резиновых лодок, но их мало. Мы — моряки. И нас это не должно пугать. При необходимости будем форсировать вплавь — на корягах, бревнах, ящиках. На берегу всего этого много. И при наступлении, и при отступлении мусора остается много. Все за собой не потащишь.

Одолеем. Главное, не дрейфить.

Да, еще одно учесть надо. На том, высоком берегу больше, чем на этом, затопляемом, всяких довоенных построек — домов, сараев, амбаров. И конечно же каждый дом, сарай может крепостью оказаться...

Я думаю, теперь всем понятно, к чему я разговор веду. Прямо сейчас, без передышки, в штабе сказали, надо троим-четверым из нас перебраться, переплыть на ту сторону, спрятаться там, затаиться до

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

рассвета и пронаблюдать, разведать, где немцы сделали огневые точки, где их траншеи, пронаблюдать за ближайшими дорогами, строениями. Наверняка везде есть засады, минные поля... Без боя немцы Днепр не отдадут. Собьем их с днепровских высот — покатаются и долго не остановятся. Это и мы понимаем, и они понимают. Драка будет горячая, смертельная. Так вот, ребята, посылать за Днепр приказом никого не хочу и не буду. Там, на той стороне, надо продержаться завтрашний день, а потом, ночью, вернуться обратно с разведанными.

У нас есть шлюпка, четырехместная. Саперы подготовили. У берега в кустах спрятали. Ждут.

Нужны добровольцы!»

...Словно порыв ветра прошелестел над ротой:

«Я-я-я-я-я-я-я-я-я-я...»

«Я же сказал: лодка четырехместная, рыбацкая, больше четырех человек не выдержит».

...В числе отобранных командиром, оказался я.

Тимофей Кузьмич проводил нас до лодки.

«Лучше бы сам с вами пошел. Душа на разрыв. — Он пожал нам руки и сам оттолкнул лодку от берега. — С Богом! Вернитесь, братцы. Обязательно вернитесь!...»

* * *

Честно скажу, плыть на маленькой, черпающей бортами воду лодке в абсолютную темноту и тишину было жутковато. Мы привыкли подниматься в атаки. Вставали и шли под пули и взрывы снарядов и днем и ночью. Горела земля. Горело небо. Но все было привычно и обычно. А тут...

...Бесшумно опускались в воду весла. Греб ими бывший боцман Василий Дубков. А наши боцманы веслами работать умели. На средней банке (скамейке) сидели автоматчики Виктор Козырин и Володя Субачев. Володя был младшим из нас. Службу он начинал юнгой. Его вывезли из Ленинграда в самом начале блокады. В Ленинграде остались его мать, сестра и бабушка. Там же, под Ленинградом, воевал его отец. Ни о ком из них Володя ничего не знал. Володя жил одной

мечтой: как можно быстрее разбить врага, вернуться в Ленинград и найти там всех родных, которые конечно же живы и ждут его.

По званию да и по возрасту я был старше Василия, Виктора и конечно же Володи. Всего месяца два назад мне присвоили звание старшины 1-й статьи. Я с гордостью пришел на форменку погонны с тремя лычками. И звания, и награды мы получали недаром...

Гордились мы и своей формой. В трудный, решающий момент боя, отбивая вражескую атаку или поднимаясь в атаку, матросы снимали каски, вынимали из вещмешков, из-за пазух бескозырки, распахивали бушлаты, чтобы враг видел тельняшки, и фашисты, ну скажем так, не радовались встрече с нами.

Отправляясь в разведку, мы тоже надели бескозырки и чистые тельняшки.

— Умирать, так с музыкой, — пошутил Виктор Козырин. И мы согласились с ним.

— Умереть проще всего, — одернул его Сударев. — Выполнить работу и вернуться — труднее. Но надо, братцы, надо! — Последние слова командира относились ко всем нам.

...Сидя на корме, вглядываясь в силуэты ребят и в темноту, плотно прикрывающую правый берег реки, на котором нас ждал наверняка зарывшийся в землю, вооруженный до зубов враг, я вновь и вновь вспоминал слова командира: «Умереть проще всего. Надо выполнить работу. Надо выполнить работу. Надо выполнить работу!..»

...Хотя мы и ожидали встречу с берегом, и готовились к ней, он встал перед нами так мгновенно и круто, что можно было вскрикнуть от неожиданности.

Наш боцман первым спрыгнул на хрустнувший под ним песок и, придерживая лодку, помог бесшумно высадиться остальным.

Высокий, почти вертикальный обрыв надежно закрывал нас от врагов, находящихся где-то там, наверху, но и их от нас. А ведь нашей задачей было выследить их и пронаблюдать, как они готовятся к неизбежному наступлению наших войск.

— Братцы, я пойду разведую, куда спрятать лодку, — полупшепотом сказал Дубков. — Ждите.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

— Правильно, Вася, иди. Будем ждать, — ответил ему я, входя в роль командира. — Иди.

Василий вернулся минут через десять:

— Тут лодок не сосчитать. Немцы с той, с нашей стороны драпали — все лодки сюда перегнали и на берегу побросали. Видно, надеются столкнуть нас в воду и снова вперед ринуться.

Нашу лодку можно и здесь оставить. Никто лодки пересчитывать не будет и чем они друг от друга отличаются, никто не заметит, не разберется.

Мы и сами уходить будем — любую возьмем. Три лодки ошупал — у всех весла на месте.

— Сейчас будем подниматься наверх. Тишина — полная. Один неосторожный шаг, покатится какой-нибудь камень — и крышка. Наверху не выскакивать, не соскакивать. Оглядимся. Прислушаемся. Вон небо вроде светлеть стало. Тучи редуют. Полежим на обрыве — ориентируемся. Надо так спрятаться, чтобы фашистам на глаза не попасться и самим по возможности побольше увидеть. Всем все ясно? — Я пошел вдоль обрыва. За мной, стараясь ступать как можно тише, цепочкой потянулись остальные.

И нам опять повезло. Через несколько минут я наткнулся на тропинку, ведущую на обрыв, так что карабкаться на него не пришлось.

Поднявшись наверх, мы залегли на самой кромке. Здесь, наверху, было значительно светлее, чем внизу, под обрывом. Низкие тяжелые тучи быстро плыли на запад. Из темноты все отчетливее проступали белые пятна высвобождающегося от туч неба. Расширялся обзор и вокруг нас.

...Метрах в 50—70 справа от нас начали выплывать какие-то постройки. На фоне неба четко вырисовался треугольник крыши дома или сарая. Чуть ниже треугольника прорисовалась щетина дощатого забора. Строение казалось заброшенным, безжизненным. Ни звука. Ни огонька.

...Слева высветилась груда бревен и высокий, все отчетливее и отчетливее белеющий прямоугольник. Такие бело-красно-черные прямоугольники в окружении груды обугленных бревен мы видели

десятки, сотни раз на пути к Днепру. Это были печи, остатки сгоревших домов...

Небо за пепелищем вкривь-вкось перечеркивали ветви обгоревших деревьев. Такую картину мы видели тоже не впервые. В десятках, сотнях сгоревших хуторов и сел у пепелищ стояли черные мертвые сады, ветви деревьев которых были похожи на вскинутые в небо руки людей, молящих Бога о помощи и пощаде.

Впереди все явственнее выступали из рассеивающейся темноты дома улицы, окраины которой уходили куда-то вниз, за косогор.

— Братва, надо разведать, где нам можно надежно укрыться. Место должно быть такое, чтобы мы могли просматривать всю округу. Но и спрятаться надо надежно. Впереди — целый день. Мне кажется, лучше сдвинуться влево, подальше от целого дома. Его могут облюбовать, если уже не облюбовали для себя фашисты...

— Товарищ старшина, — почти перебив меня, вскинулся Володя. — Разрешите мне разведать. Я маленький, юркий. Сползаю к сгоревшему дому, посмотрю, что там, за ним, в саду. Я мигом...

— Правильно мыслит, — приглушенным басом поддержал Володю Виктор Козырин. — Не за папину же руку ему держаться...

— Парень что надо. Настоящий матрос! — уже вслед унырнувшему в темноту нашему юнге, как привычно называли Володю во всей нашей роте, одобрительно буркнул Василий Дубков.

Володя вернулся быстро.

— Нашел! — чуть не выкрикнул он. — Там, в саду, погреб. Тамбур деревянный, из досок, щелястый. Погреб большой, глубокий. Никакой снаряд не возьмет. Там даже бочка с мочеными яблоками и две бочки с огурцами и капустой. Ешь — не хочу. Я попробовал, нормально все — и яблоки, и все остальное. В щели наблюдать можно. А в случае обстрела, бомбежки можно вниз спуститься. Вдруг наши задумают немчуру погонять, пристреляться перед переправой. Жахнут! — а мы яблоки едим...

— Молодец! — почти одновременно выдохнули Василий, Виктор и я...

...Погреб понравился. Действительно, из тамбура можно было незаметно наблюдать за всей округой. Тамбур метра на два возвы-

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

шался над землей. В нем можно было стоять в полный рост и с высоты своего роста рассматривать, изучать округу.

— Там, внизу, яблоки, огурцы, капуста. Я покараулю. Поешьте. — Володя остановился на первой ступеньке спуска. Я, как только наткнулся на погреб, спустился вниз, не утерпел — два яблока и два огурца съел.

...Рассвело. От реки начал подниматься туман. Мы забеспокоились. Застит все вокруг на полдня... Однако потянуло ветром и туман рассеялся.

— Братцы, смотрите. Сюда смотрите, — позвал Дубков.

— Что там? У меня тоже есть на что смотреть. Вон по улице целый отряд фашистов куда-то потопал, — откликнулся Козырин.

Я подошел к Дубкову. Он показал пальцем на щель и отклонился в сторону.

Дом, который в темноте можно было принять за сарай, гляделся массивным, прочным, скорее не жилым, а каким-то казенным зданием.

На крыльце дома стоял высокий офицер в фуражке с высокой тульей и за что-то, грозя кулаком, распекал стоящего внизу солдата.

Солдат как истукан стоял в неподвижной подобострастной позе. Слов офицера было не слышно.

— Солдат из-за дома вывалил, — прильнул к щели рядом со мной Василий. — Видно, вокруг дома топтался. И как это мы не нарвались на него... Эх, врезать бы сейчас...

— Ты что, Вася. Для нас сейчас главное — не врезать, а наоборот, затаиться, замереть и, что бы ни случилось, не шелохнуться. Смотреть и запоминать... Смотреть и запоминать... Смотреть и запоминать...

— Ты не спишь, Андрей? Убаюкал я тебя своим рассказом...

— Что вы, Сергей Сергеевич! Обижаете. Слушаю — и как книгу читаю, кино смотрю. Как будто с вами там, на днепровском берегу, среди врагов в разведке нахожусь.

БОРИС МАКАРОВ

— И все же давай сделаем перерыв. Поспать надо. Нас, стариков, хлебом не корми — поболтать дай.

— Какая же это болтовня... Сердце сжимается...

— Вот-вот, и у меня сердце поднывать начинает. Завтра при случае дорасскажу.

— Ну уж теперь я от вас не отстану, Сергей Сергеевич. Будь бы писателем, я ваш рассказ бы записал и в книге напечатал. А уж семье своей, друзьям обязательно перескажу...

* * *

...Не знаю, сразу ли уснул Сергей Сергеевич, а я еще долго лежал с открытыми глазами, смотрел в темноту и видел высокий берег огромной реки, черные ветви умершего сада, матросов-разведчиков, прильнувших к щелям в тамбуре погреба, и много-много немцев вокруг них...

* * *

...Тучи, походив вокруг курортной долины и стряхнув гром за синеющие вдаль сопки, решили вернуться. Опять пошел дождь. Но в отличие от проливного вчерашнего — мелкий и нудный. Его неспешность показывала — дождь зарядил надолго.

После завтрака, чтобы как-то развлечь отдыхающих, нас пригласили в кинозал посмотреть кино, как тогда говорили, про войну и про любовь. Признаюсь, вспомнить название кино сегодня не могу. С тех пор прошло слишком много времени и мне довелось посмотреть слишком много кинофильмов про войну и про любовь.

Сергей Сергеевич в кинозал не пошел.

— Не хочу. Войны я и так досыта нагляделся. А про любовь смотреть поздновато. Пойду лучше в свою комнату поваляюсь, почитаю книгу...

...После обеда многие отдыхающие по рекомендации врачей тоже отправлялись поваляться — подремать, поспать. Многие же нарушали режим, в койки не ложились, но вели себя тихо — играли

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

в шахматы, шепотом, сдержанно похихикивая, рассказывали анекдоты, беседовали...

Мы с Сергеем Сергеевичем относились к числу нарушителей. Если и ложились в кровати, чаще не раздеваясь, то тоже читали книги или купленные в киоске газеты или журналы.

...Как только мы вошли в комнату и подошли к кроватям, я увидел, что мой друг берет с тумбочки книгу.

— Нет-нет, Сергей Сергеевич, вы обещали...

— Помню — обещал, а теперь ты, Сынок, напомни, на чем я остановился, старость не радость...

— Офицер на крыльце... Часовой... Василий, боцман, врезать ему мечтал, вы запретили...

А тут меня Виктор Козырин окликнул:

— Сергей, от села в нашу сторону немцы толпу женщин гонят. У всех лопаты... Куда-то за большой дом к берегу идут...

— Ясно, окопы копать гонят. К нашему наступлению готовятся. Хорошо, что не сюда. Начеку быть надо. Зашевелились... Сейчас фашистам каждая минута дорога... Как у тебя там, Володя?..

— Е-мое! — чуть не во весь голос воскликнул Дубков. — Братцы, к нам какой-то старик из офицерского дома идет. В одной руке ведро, в другой посох. Но идет быстро. Что делать? Может, я выйду — пугну?

— Ты что? Испугается, закричит — и конец, — толкнул в плечо Василия Козырин. — Так ведь, Сергей?

— Так. Но что делать?

— Пусть войдет. Поговорим, уговорим. Свои же люди — русские. И ему, поди-ка, несладко у немцев под каблуком быть.

Я согласился с Виктором.

Мы прижались к стенкам тамбура.

Старик вошел.

Володя, чуть не сбив его с ног, захлопнул за ним дверь.

— Тише, дед, тише! — сказал я. — Свои.

Старик отшатнулся, привалился спиной к стене и медленно сполз на землю.

— Испужали-то как! Свои. А зачем здесь свои. Я-то подумал... бесы какие из-под земли навывползали. Свои... Креста на вас нет. Испужали-то как!

— Ну, прости, дед. Действительно, тут любой испугаться может. Успокойся. Не черти мы, не из земли выползли. С той, нашей стороны приплыли посмотреть, как вы здесь живете, что едите, пьете, с чем нас ждете.

— Ты, старшина, поэт. Чем его стихами забавлять, спроси лучше, зачем он сюда пришел, что там, в офицерском гойне, делает?

— Слышал, дед, вопрос?

— Слышал. Я в этом доме раньше, до немцев жил. Немцы пришли, меня господин майор в услужение взял. Так... где пол подмету... куда недалеко пошлют — схожу. Вот в погреб за огурцами послали. Господин майор любит по-русски водку огурцом закусывать. Погреб этот я издавна знаю. В этом доме сгорелом мой сват со своей бабой жил. Хорошо жили, богато. Сад, огород, живность имели.

Красная армия уходила, с ней, дурак, ушел. Немцы пришли, им кто-то про свата все рассказал, дом и все остальное сожгли.

— А в доме твоём что немцы делают?

— Что-то на картах чертят. На чердак лазят. Смотрят на тот берег в бинокль. Большой такой бинокль. Едят. Пьют. Спят.

Мое дело сторона. Сижу в сенцах на лавочке. Хлеб, тушенку дают. Поедят — со стола убираю, что не доедят — доедаю. Иногда даже водочки дают. «Пей, — говорят, — за нашего фюрера, за нашу победу!»

— И пьешь?

— Мне-то что, пью.

— С той стороны дома что немцы делают? Нам отсюда не видно.

— Бабы какой день окопы копают. Солдаты возле них с ружьями. Веселые. Баб по мягким местам похлопывают. Смеются. Не злые, но бабы их боятся. Слушаются. Не разбегаются.

— Что делать с ним, братцы? Оставлять здесь нельзя. Немцы подождут, подождут — сами за огурцами придут. Придется отпустить.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

— Пусть огурцов наберет и идет. Да я сейчас сам ему их снизу принесу. — Козырин взял у старика ведро, спустился в погреб.

Поднявшись, он подал старику ведро:

— Смотри, дед, помалкивай. Про нас ни слова. Выдашь — первая пуля твоя. Нас погубишь, наши придут — пощады не будет. Вон на той обгорелой яблоне повесят.

— Зачем вы пугаете дедушку? Он же наш, русский, советский. А наши своих не предают. Разрешите, товарищ старшина, я ему дверь открою, — встал Володя Субачев.

Я взглянул на Василия и Виктора. Они кивнули головами.

— Открой, Володя. Иди, дед, но помни — фашистам — ни слова. Ни слова...

... — Не нравится мне старик. Ох не нравится. Лизоблюд какой-то. Да что там какой-то — настоящий. Обьедки с фашистского стола жрет, опитки допивает, — нахмурился Дубков.

— Что поделаешь. Голод не до того доведет. Сколько их, таких стариков и старух, отступая, фашистам на съедение пооставляли... — вдруг взъярился Козырин. — Теперь идем винить, судить их за то, что крошки с фашистских столов подбирали...

— Да чего ты забурлил — пар из ноздрей... Тех, кто их оставлял, самих мало осталось, в боях полегли. Если и была в чем-то их вина — под Москвой, в Сталинграде, в Крыму кровью своей искупили, — негромко, миролюбиво откликнулся Дубков, — и мы ее продолжаем за всех живых и мертвых искупать...

— Смотрите! Смотрите! Как немчура засуетилась. Вон двое куда-то в село вприпрыжку помчались, руками машут, в нашу сторону показывают. Офицер тот самый, утренний, опять на крыльце руки в боки стоит, раскорячился, того самого или уже другого часового распекает. Орет как свинья недорезанная. Хоп! Еще три Ганса из-за дома на крик офицера как из-под земли вынырнули... — Щеки Володи даже в серых сумерках тамбура, куда свет поступал только через щели в стенах, запунцовели от волнения. — Вон в кучу сбились — в нашу сторону идут...

— К бою! — скомандовал я. — Без нужды не высовываться! Без команды не стрелять!

— Выдал! Выдал! Проклятый старик, — выругавшись, скрипнул зубами Дубков и, поудобнее положив автомат на брус доски двери, лег рядом с Володей.

Я и Виктор заняли оборону справа и слева от Дубкова и Субачева.

Немцы шли не так, как обычно ходят в атаку, — не цепью, а друг за другом. Расчет их был правильным. Всех их прикрывала от нас печь сгоревшего дома. Дойдя до печи, они укрылись за ней.

— Эй, кто вы там, черти полосатые, что ли?.. Сдавайтесь. Бросайте оружие. Выходите. Мы знаем — вас четверо. Хода назад для вас нет. Хотите жить — бросайте оружие, выходите. — Голос кричащего был громкий и спокойный. Так говорят уверенные в своей силе и слабости противника люди. Язык русский. Чистый. Без всяких акцентов.

— Сдавайтесь! Выходите!

— Не стрелять! Беречь патроны! Пригодятся! — уже не понижая голоса, сказал я. — Влипли крепко. Но флот позорить не будем. Побултыхаемся!

— Товарищ старшина, разрешите, я их гранатой! — тоже уже не понижая голоса, обратился ко мне Володя. — Доползу вон до того бревна и врежу. Достану. Пусть знают — матросы не сдаются! Пусть знают гады...

— Потерпи. И гранаты еще пригодятся.

...Первым на курок пришлось нажать самому.

Из-за печки к куче полусгоревших обугленных бревен метнулся узкоплечий долговязый фашист. В поднятой правой руке у него была граната с длинной ручкой. Миг — и она полетит в нашу сторону.

Мне показалось, мой автомат сам ожил в моих руках.

Фашист упал.

Василий, Виктор и Володя восприняли мой выстрел как разрешение или приказ тоже открыть огонь по прячущимся за трубой, вернее за печью, служащей основанием трубы фрицам.

С трубы посыпались остатки штукатурки, полетели осколки кирпича.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Однако стрельба тут же прекратилась. Ребята поняли ее безрезультатность.

— Красноперы, сдавайтесь. Будет водка. Будут бабы. Будет жизнь! Иначе — смерть! — снова послышался громкий, с каким-то мертвым, холодным оттенком голос.

— В рупор орет, — догадался Козырин. — Какой-нибудь плюгавый Гансик пищит, а сам себе гигантом кажется. Нас, матросов, напугать, паразит, хочет.

...Наступило затишье. Мы съели по сухарю. Выпили фляжку воды.

Василий похлопал ладонью по вещмешку.

— Богато живем. Тут у нас еще по банке тушенки на брата, сухари и две фляжки воды. На ужин хватит.

— Эх, Вася, Вася, ужина у нас может и не быть. Попали мы как мыши в мышеловку, — вздохнул Виктор.

— Ничего, — приподнялся Володя. — Продержимся до вечера, до темноты, прорвемся назад к Днепру, а уж плавать мы умеем. Правда ведь, товарищ старшина.

Я поддержал его.

— Конечно, прорвемся. Патроны есть. У каждого по две лимонки, ножи. Нам бы только до шлюпки добраться, за весла сесть... а там с того берега наши шум услышат — огоньком поддержат... Жить будем. Будем жить!..

...И тут снова раздался рупорный голос:

— Нас много. Подошло подкрепление. Но гоняться за вами не будем. На пули нарываться не будем. И вас пока убивать не будем. Будем брать живьем. Голыми руками за жабры брать будем.

Сейчас отсюда выйдут бабы. Много баб. Русские. Еврейки. Поганки-партизанки. Они у нас тут поблизости в концлагере обитают. Грехи трудом на благо великой Германии искупают.

Бабы встанут вот тут же возле нас и у вас на виду. Вас четверо. Мы будем считать до четырех. И если хотя бы один из вас не выйдет, будем убивать четырех баб. На вашем виду.

Выйдите, сложите оружие сразу все — спасете всех баб...

— Вот гад! — почти разом воскликнули мы. — Вот гад!

И больше не нашли слов...

— Не смогут они... Не будут... Не звери же... — хрипло пробормотал Дубков и тут же осекся. — Смотрите! Смо-о-о-три-и-те! Из-за груды кирпича, из-за трубы вышли женщины. Они шли тесной толпой и сосчитать их было трудно. Но было их много.

Женщины жались друг к другу. Явно со страхом смотрели то в сторону немцев, то в нашу сторону. Некоторые, и это было видно, плакали, закрыв лица ладонями.

— Ну, начнем отсчет. Будете выходить поодиночке или сразу? Кто первый? — с железным равнодушием зазвучал железный голос. — Раз... два...

Вдруг от толпы женщин оторвалась маленькая, худенькая девушка и побежала в нашу сторону. Это было настолько неожиданно для фашистов, что, помедлив несколько секунд, они дали ей возможность пробежать метров двадцать — тридцать. Мы, оцепенев от страха за нее, смотрели на девушку и уже отчетливо видели ее огромные глаза, бледное лицо, длинные, легкие, летящие волосы...

...Хлестнула пулеметная очередь. Фашисты или до поры не пускали пулемет в дело, или получили его с подкреплением. Пули буквально перерезали девушку...

— Три...

...Сергей Сергеевич поперхнулся, замолчал. Подошел к окну. Зачем-то задернул занавеску. Сутулясь, сел на кровать, оперся подбородком на ладонь и глухо сказал:

— И мы вышли. Не стовариваясь, вышли. Все вышли...

И опять надолго замолчал...

* * *

...Я замер. Я понимал, что стоит мне пошевелиться, сказать слово, и Сергей Сергеевич мгновенно вернется из мира своих воспоминаний в наш реальный мир, и ему будет стоить огромных усилий вернуться обратно — к своим друзьям, к своей боли, к своему времени...

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

— Не спишь, Андрей?..

— Да как вы можете так подумать?..

— Так вот... Так вот... Не буду, подробно рассказывать о двух днях и ночах в фашистском плену... Не могу...

...Втолкнув нас в тот самый большой дом, который был то ли штабом, то ли наблюдательным пунктом, фашисты перво-наперво содрали с нас матросскую форму, содрали все — брюки, тельняшки, трусы... А ты ведь знаешь: голый человек перед одетым — даже перед каким-нибудь хляком, слабаком — чувствует себя униженным и беспомощным, превращается в младенца... Память, что ли, срабатывает — в нас аукающий, мяукающий человечек розовый, крошечный, бессильный просыпается...

Ты, наверное, тоже замечал, Сынок, — приходилось стоять тебе в чем мать родила, скажем, перед военной призывной комиссией или перед врачами в больнице.

Прикажут — снимешь майку, трусы, прикроешь ладошками пупок и пониже — и голос твой с мужицкого на мяукающий меняется, и пот на лбу выступает, и какого-нибудь врача, что в дети тебе годится, начинаешь дяденькой называть...

Перед врагом же стоять голым...

...Допрашивал нас тот самый долговязый офицер, которого мы видели на крыльце. Я говорил — часового он за что-то распекал. Спокойно, неторопливо, обстоятельно допрашивал. Десятки, сотни вопросов задавал, разных вопросов, вплоть до такого: что Сталин делает и где он находится? Можно подумать, что мы со Сталиным пару часов назад чай пили...

По-нашему говорил плохо. Переводчик помогал. Мордастый такой, губастый.

Ни офицер, ни переводчик нас не били, пальцем не трогали — брезговали, наверное.

А допрашивать нас им помогала целая свора разномастных палачей. Все в военной форме. Тут и солдаты немецкие и какие-то хлыщи в той же форме фашистской с белыми повязками на рукавах... Уже позже я узнал — бандеровцы это были.

...Били, рвали нас без передышки, без перекуров. Отливали водой и снова пытали.

Я даже не знаю когда — днем или ночью — мне на груди вот этот якорь вырезали. Очнулся — гляжу, у братишек моих вот такие же якоря кровью пузырятся, истекают. Глаза скосил — и у меня грудь в крови. Боли не почувствовал. А крови и до этой татуировки и на наших телах, и на полу, и даже на стенах хватало. И боли хватало...

Ну вот, по-нашему говорят, хохочут фашисты и их прихвостники: «Причастили вас — якоря за кресты сойдут. Утром расстреляем и напрямик туда — на небушко. Якорями крещенные в рай попадете, нам спасибо скажете...»

И действительно, утро настало — солнышко яркое-яркое из-за нашего восточного берега приподнялось — вывели нас на высокий яр, почти на то самое место, где мы по тропинке поднимались.

Поставили нас в ряд на самом краю обрыва.

Жахнули из автоматов.

Упали Вася Дубков, Витя Козырин, Володя Субачев. И я упал.

Но что это такое — боли, кроме той, какая уже была, во всем теле была, нет. И небо, и солнце — вот они — не погасли, не почернели.

И стоят надо мной палачи. И хохочут... хохочут... хохочут...

«Эй, поднимайся. Чего валяешься как свинья. Вставай! Вставай! Легко умереть задумал. А мы тебе умереть не дадим. Ты командир этих бандитов. Ты их трупы к своим и повезешь.

...Привезешь — и тебя твои же братья-матросики за предательство повесят. И попробуй докажи им, что ты не предатель. Вся твоя шайка в лодке мертвой лежит. А ты, командир, сидишь, веселками помахиваешь...

Повесят. Обязательно повесят. И останешься ты навсегда, на все времена предателем. Ха-ха-ха — предателем!..»

...Побросали ребят, братков родных моих в лодку. Втолкнули меня. Сунули весла в руки: «Плыви, предатель!»

И поплыл я. И приплыл. В том месте Днепр нешироким был и бой воды в нашу сторону был.

И хоронили друзей, братков без всяких почестей.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

И таскали меня в особый отдел, многократно таскали... Всего я нагляделся, натерпелся...

Но знаешь, Андрей, какой страх самый страшный на свете?

И опять после долгого молчания Сергей Сергеевич сам же ответил на свой вопрос:

— Это тот страх, который ты испытываешь, когда слышишь, как твои палачи на твоём же родном языке говорят...

* * *

...Было темно и тихо. В окно полусонно, убаюкивающе постукивал дождь.

Но спать не хотелось.

15–22 марта 2016 г.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

УТКИНСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

Не знаю, не помню, откуда Уткины появились в нашем селе, в нашем околотке. Но были они не беженцами. Это точно. Приехали года за два-три до войны. Поселились Уткины — мать, отец и трое детей — в маленьком тонкобревенчатом домике на отшибе возле железной дороги; тот домик, судя по всему, раньше был какой-то подсобкой путейцев, а чего доброго, и баней. Состоял он из одной комнаты, у дверей которой стояла огромная печка — сложенная набок железная бочка с вырезом-дверцей. Дверца — тот же вырезанный лист железа — была подвешена на двух проволочных кольцах. Именно эта печь и давала повод думать, что раньше домик Уткиных был баней. Такие печи-бочки и можно увидеть в деревенских банях, и Уткин-отец (имени его я не помню) работал на прокладке шоссейки — шоссейной дороги, которую вели параллельно с железкой — железной дорогой.

«Шоссейка», «железка» — слова тех лет.

Уткина-мать — тетя Люба — работала на угольном складе при железке. Что она там делала, не знаю. Но явно не сидела в конторе. Это было видно по ее черной-пречерной от въевшейся угольной пыли стезенке и никогда не отмывающимся темным разводам на лице.

Уткин-отец ушел на фронт в самом начале войны. Ушел, чтобы не вернуться в свой тонкобревенчатый дом никогда. Вместо него тете Любе пришла похоронка. Пришла в том же 41-м году.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Случилось это в пору декабрьских морозов. О беде Уткиных в околотке узнали по их жестяной трубе над их железной бочкой-печкой.

Глянула соседка издали на эту трубу утром — не дымит. Глянула в обед — не дымит. Глянула вечером — не дымит. Глянула на следующий день утром — дыма нет, глянула в обед — нет, — метнулась в один дом, в другой:

— Что-то не того, кажется, ни дымка у Уткиных, ни огонька и из избенки никто не выходит... Не случилось ли чего...

— Это точно... и я обратила внимание...

— И я...

— И я...

Сбились женщины-соседки в кучку — и к Уткиным. Пришли и видят: сидят те — и ребятня, и тетя Люба — вокруг ледяной печки-бочки в начинающей обледеневать по углам избенке и не шевелятся — куда-то в одну точку не мигая смотрят.

Сидят — не шевелятся, а на холодной-прехолодной печке-бочке, на горбушке, черной окалиной покрытой, белая-пребелая бумажка лежит.

Взяла одна из женщин эту белую-пребелую бумажку, к глазам поднесла, губами пошевелила и, побелев, как эта самая бумажка, тетю Любу за плечи обняла и тонко-тонко завыла.

Никто из остальных пришедших к Уткиным женщин в бумажку не заглянул, никого ни о чем не спросил — все и без того поняли, почему у Уткиных два дня над жестяной трубой над железной бочкой-печкой дыма не было. Одна за другой вплели женщины свой вой в общий вой, и выплеснулся он из домика и полетел далеко-далеко по заснеженным пустырям, по буграм и оврагам. Подхватил этот вой проходящий мимо уткинского домика поезд — вплел его в крик-вой паровозный, от быстрого бега и усталости осипший, и разнес его по всей горемычной стенающей, обливающейся кровью под натиском тогда еще не знающего ее настоящей силы и стойкости врага земли.

Это потом, потом он, растеряв сверкающие серебром губные гармошки и побросав в снега и болотные топи-хляби солнцебокие,

приготовленные для победных парадов трубы и литавры, волчьим предсмертным воем заплатит за горький, слезный вой наших женщин, наших детей, нашей земли — нашей Отчизны...

О том черном дне Уткиных я рассказываю отнюдь не по рассказам других.

Среди тех, кто пришел к ним, была и я. Мне исполнилось 14 лет. Я училась в одном классе с Димкой Уткиным. Мы — тринадцатичетырнадцатипятинадцатилетние — в то время считали себя взрослыми. Да и действительно были такими. По выходным дням, а иногда и после уроков мы шли разгружать и загружать вагоны. Носили на тяжелых неуклюжих носилках тяжелые глыбы каменного угля, перетаскивали из вагонов и в вагоны мешки с мукой и солью, подметали перрон, укладывали в штабеля шпалы...

И когда мама вместе с другими женщинами, отправляясь к Уткиным, домик которых казался вымершим, кивнула мне, я сразу поняла — надо идти. Там могла потребоваться и я.

Почти не разговаривая друг с другом, лишь изредка перебрасываясь одним-двумя словами, женщины затопили печку-бочку, подмели пол, приказали мне и еще двум моим сверстницам принести воды.

Несколько женщин из ближайших домов принесли хлеба, картошки, капусты и даже кусок сала. В декабре 41-го мы еще не голодали — выручали довоенные запасы.

Минут через двадцать — тридцать в домике стало тепло. Печка-бочка быстро нагрелась, и в считанные минуты ее бока начали источать не только жар, но и темно-красный кровавый свет. Забулькал-засопел носиком чайник. Запахло оттаявшим салом, щедро сдобренным чесноком и печеной картошкой.

Женщины, бережно поддерживая под локти, подвели к столу тетю Любу, усадили ее в торец. По правую сторону от матери разместили осиротевших «утят», как иногда называла своих детей их мать.

— Ну что ж, помянем батяню вашего? Ишь как там написано: геройской смертью... за Родину... Значит, незряшим человеком был. Гордитесь, плакать не надо... Пусть враги наши плачут... — припод-

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

няла стакан с чаем крупная, по-мужски плечистая путеобходчица Александра Васильевна Голицина. — Вроде б не громкий мужик был, а вот час пробил — героем стал...

Через пару часов на смену нам пришли еще несколько женщин, стариков, мужчин-железнодорожников, имеющих броню — отсрочку от призыва в армию, мальчишек и девчонок — одноклассников и друзей ребят Уткиных.

И такие приходы-гостевания, которые кто-то назвал «уткинскими посиделками», назвал, может быть, не очень точно: «посиделки», на мой взгляд, слово все же несколько «облегченное», — в селе, в нашем околотке стали организовываться, проходить все чаще и чаще. Война набирала силу, требовала все новых и новых жертв.

Геройской смертью за Родину пал муж Александры Васильевны Голициной... Сын Екатерины Харитоновны Журбиной... Два сына Андрея Дмитриевича и Галины Викторовны Чистохиных и многие, многие, многие другие...

И каждый раз, услышав горькую, страшную весть, в дома павших героев приходили односельчане, приходили разделить горе, по мере возможности утешить, вместе поплакать, вместе вспомнить, приходили ощутить свое единство, свое родство, в конечном итоге — свою силу, свою непобедимость.

Не знаю, не помню, были ли уткинские посиделки в нашем селе первыми. Скорее всего — нет. Но лично для меня они были первыми, первыми в долгой череде других, поэтому, если вы будете где-нибудь в газете или книге обнародовать мой рассказ, так и назовите его — «Уткинские посиделки». Пусть это название будет памятью первому герою, погибшему за Родину, на поминках которого мне пришлось впервые побывать в первые месяцы Великой войны...

ОБЛИГАЦИИ

В войну я работала учительницей в маленькой школе маленького поселка. Нас, учителей, как и учеников, было мало. Местные поселковые власти привлекали нас, как людей грамотных, образованных,

а таких в те годы в селах и поселках было наперечет, к проведению почти всех общественных и политических мероприятий.

Мы были агитаторами и политинформаторами, организовывали сборы вещей, прежде всего теплых шерстяных носков и варежек для фронтовиков, устраивали субботники по наведению санитарного порядка в поселке... Особенно часто, можно сказать постоянно, мы занимались сбором облигаций государственного займа. Сегодня уже многие, наверное, даже не знают, что это такое.

Еще в довоенные годы государство стало выпускать облигации. Ежегодно, помнится, даже по нескольку раз в год в газетах публиковались таблицы выигрышей. Владельцы облигаций, а ими были все работающие, проверяли по ним свои облигации, и некоторые выигрывали большие суммы денег.

Но это случалось редко. Покупая облигации, человек, можно сказать, просто отдавал свои деньги государству. Это знали и понимали все, а потому многие покупали облигации под нажимом руководителей предприятий и организаций, профоргов и партийных активистов. Но как бы там ни было — государство получало огромные денежные средства, которые были нужны и в мирное время, но особенно, конечно, в годы войны.

В годы войны, чтобы победить фашистских захватчиков, наш народ жертвовал всем. Люди отдавали свои сбережения на строительство самолетов, танков, кораблей. Но и сегодня помним, например, Феропонта Головатого, отдавшего свои трудовые накопления, он был пчеловодом, на строительство двух самолетов-истребителей. В самое тяжелое время по всей стране развернулось патриотическое движение по сдаче в фонд обороны облигаций государственного займа. Сдавая облигации государству, люди, само собой разумеется, отказывались от будущих выигрышей, от надежды когда-нибудь вообще получить отданные «взаймы» деньги.

В городах, селах, поселках создавались специальные комиссии по сбору и уничтожению собранных облигаций. В комиссии входили представители местной власти, члены партии, активисты, передовики производства, авторитетные люди.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Как я уже сказала, почти постоянно в эти комиссии входили и мы, учителя. При уничтожении облигаций надо было составлять специальные акты, и тут требовались грамотные люди.

В определенные дни мы делали подворные обходы, беседовали с людьми, убеждали их в необходимости сдавать облигации в помощь фронту. Надо сказать, особых убеждений, призывов не требовалось. Люди были готовы отдать последнее, чтобы помочь нашим бойцам разгромить ненавистного врага.

Облигации мы складывали в обыкновенный мешок. И после окончания обхода составляли акт и в присутствии всех членов комиссии просто-напросто сжигали в печах.

Ходить по дворам, да еще при любой погоде, было нелегко. Мы были плохо одеты, а главное — ослабевшие от постоянного недоедания. А когда люди недоедают, они часто болеют. К вечеру, к окончанию обхода, мы очень уставали. Кроме того, у всех нас были дети, у многих — престарелые родители. Процедура же сжигания облигаций требовала много времени. Бумага в кипах, как известно, почти не горит. Каждую облигацию бросать в печь приходилось по отдельности. Иногда этот процесс затягивался за полночь, а ведь на завтра надо было снова идти на работу, заниматься домашними делами, а после окончания рабочего дня — опять выполнять общественные обязанности. Потому, хотя все мы были детьми своего времени — людьми предельно законопослушными, исполнительными, строго подчинялись требованиям всяких инструкций и предписаний, — в этот момент, в момент сжигания облигаций, шли на уголовно наказуемое нарушение инструкции — поручали, доверяли уничтожать облигации кому-нибудь одному из нас.

Не раз, не два сжигала облигации и я. Сидела возле открытой печи, доставала облигации из мешка и почти всю ночь смотрела на языки пламени. Рядом, в соседней комнате, спали трое голодных детей и старушка-мама.

Сижу, смотрю на огонь и вижу в языках пламени наши горящие города и села, наших идущих сквозь огонь бойцов и самого любимого из них — своего мужа...

Это была демоверсия книги - Макаров Б.К. Знамя Победы

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34